

— Что за чушь ты говоришь?

Цзян Шэнь резко встал, уши и шея у него вспыхнули, сердце забилось быстрее.

Только услышав слова юноши, Цзян Шэнь понял, что действительно находится к нему слишком близко.

Настолько близко, что стоит лишь чуть наклониться — и можно коснуться его.

Но он... он ведь просто хотел рассмотреть его получше, никаких других nepозволительных мыслей у него точно не было.

Он же всего лишь прошлой ночью впервые видел этого мальчишку, какие тут могут быть мысли?

— Я не говорю чушь. — Ли Жуань сел и поднял голову, глядя на Цзян Шэня, словно совсем не чувствовал, что сказал что-то ужасное. — У тебя раньше было такое же выражение, когда ты хотел меня поцеловать.

Уши Цзян Шэня горели, смотреть на него было мучительно стыдно. Но, услышав это, он всё же не удержался и спросил:

— Я раньше тебя целовал?

Ли Жуань: — Я тебя целовал много раз.

Сознание Цзян Шэня на миг помутилось, и тут кто-то мягко потянул его за рукав.

— Ты не помнишь, да? — тихо спросил юноша. В голосе не было ни укора, ни обиды — только забота. — Хочешь, я помогу тебе вспомнить?

Дыхание Цзян Шэня перехватило.

Он почти неконтролируемо посмотрел на него. Губы юноши выглядели невероятно мягкими, без всякой косметики — естественный красивый светло-розовый оттенок.

В отличие от естественно тонких губ самого Цзян Шэня, губы Ли Жуаня были ровно настолько полными, насколько нужно.

Когда он говорил, они чуть раскрывались и закрывались, мягкие, упругие, открывая бледный кончик языка.

Интересно, какие они на вкус?

Цзян Шэнь потерял голову на одно мгновение, но увидев хитрую улыбку юноши, мгновенно очнулся.

— Ты специально меня соблазняешь. — Он резко отвёл взгляд, раздражённо бросив: — Ты просто хочешь, чтобы я тебя поцеловал.

— Да. — Ли Жуань несколько не смутился, когда его разоблачили. Напротив, честно признался: — Ты давно меня не целовал. Почему бы тебе не поцеловать?

Поцелуй был делом второстепенным — на самом деле он хотел получить эссенцию Цзян Шэня.

Раз Цзян Шэнь его сейчас не узнаёт и не подпускает близко, то у него почти нет возможности напитаться его сущностью.

Он же не мог сказать прямо, что он — не человек, и пришёл к Цзян Шэню именно ради этого.

Вот и приходилось так.

Потому что он действительно голоден.

Ли Жуань сам не знал, связано ли это с малышом у него в животе, но после воссоединения с Цзян Шэнем он стал ещё более жадным до него, чем раньше.

Хотел есть его эссенцию. Хотел быть рядом всегда. Хотел двойное культивирование.

В этот момент Ли Жуань пожалел, что стёр память Цзян Шэню — иначе они бы уже много раз практиковались.

Сколько угодно раз.

Думая об этом, он невольно загрустил.

Цзян Шэнь, не имея ни малейшего понятия о его мыслях, лишь заметил, как юноша уныло опустил голову, когда он не ответил.

Ну не дал он ему поцелуй — почему тот так расстроился?

В сердце Цзян Шэня промелькнуло чувство вины.

Этот мальчик... он действительно так сильно его любит?

Подумав так, он понял: похоже, это правда.

У юноши явно есть какие-то способности — иначе он бы не мог снова и снова находить способ пробраться к нему.

Проникновение в двор принца или в нынешний семейный храм — если его поймут, это считалось бы покушением и каралось смертью.

Юноша шёл на такой риск лишь ради того, чтобы быть рядом с ним.

Неужели это не доказательство любви?

Взгляд Цзян Шэня на юношу постепенно изменился.

— Дай мне немного времени, хорошо? — мягко сказал Цзян Шэнь, успокаивая его. — Я не знаю, почему потерял память и забыл тебя, но я точно не хотел этого.

— То, чего ты хочешь... я пока не могу выполнить. Дай мне время, чтобы постепенно вернуть воспоминания. Если всё, что ты говоришь о нашем прошлом, правда — я никогда тебя не подведу.

Они знакомы от силы двенадцать часов — он не мог вот так внезапно перейти границу приличий.

Разум просто не позволял.

— Я же не настоящий зверь.

— Хорошо. — Ли Жуань немного разочарованно опустил взгляд. — Ты меня не помнишь, я понимаю, ничего страшного.

Он снова спросил:

— Тогда сколько тебе нужно времени? Только пусть это не будет слишком долго... я не могу ждать слишком долго.

На самом деле ситуация была довольно срочная.

Маленький оборотень в животе Ли Жуаня постоянно поглощал его духовную силу.

Он восстановил ману совсем недавно, и уже не мог долго подпитывать малыша духовной силой.

Перед тем как прийти сюда, А-сюэ дал ему несколько пилюль для пополнения духовной силы, но рядом с Цзян Шэнем скорость поглощения действительно чуть замедлилась.

Но всё равно не остановилась.

Если так продолжать тянуть, он и правда может быть отброшен обратно в свою исходную форму.

Вид мальчика тронул сердце Цзян Шэня. Он чуть наклонился и погладил его по волосам:

— Не слишком долго. Обещаю.

Когда управляющий принёс ужин, Ли Жуань послушно спрятался в глубине зала.

Хотя сейчас пост, но еда у принца не может быть плохой. К тому же он специально распорядился приготовить больше.

Поэтому, когда Ли Жуань вышел, он увидел на столе семь-восемь аккуратно приготовленных вегетарианских блюд.

Вот только была поставлена всего одна пара чашек и палочек.

— Здесь кругом люди, просить ещё один комплект было бы странно. Пока так. — Цзян Шэнь передал Ли Жуаню миску и ложку. — Если захочешь есть, я помогу тебе.

Конечно, Ли Жуань несколько не возражал.

Когда они жили на горе Чанмин, они вообще редко пользовались палочками.

Если честно, он и не привыкал к ним за все эти годы.

Он осмотрел блюда, но нахмурился:

— Почему нет мяса?

— Раз пост — значит, только вегетарианская еда.

Цзян Шэнь подумал, что он сейчас необыкновенно милый, и специально поддразнил его:

— Хочешь мяса — вернись во дворец, как вчера вечером. Я прикажу принести тебе.

Ли Жуань покачал головой:

— Не надо. Я хочу быть с тобой.

Даже если он сейчас не может поглощать эссенцию, рядом с Цзян Шэнем намного комфортнее.

Цзян Шэнь решил, что мальчик просто очень его любит и не хочет от него отходить ни на минуту. Это его радовало, и он подложил юноше блюдо:

— Попробуй это. Хотя сделано из тофу, на вкус как мясо.

Так они вдвоём и ели, пользуясь одной парой приборов.

За едой Цзян Шэнь специально наблюдал и запоминал всё, что юноше нравится.

Тот не любил овощи — особенно жареные простые блюда: попробовал пару раз и больше не притронулся.

Зато он ужасно любил сладкое — съел три больших чаши сладких пирожков и ещё сладкий суп.

А потом случайно переел.

Наевшись досыта, Ли Жуань спрятался прямо в тёплом павильоне сбоку. Управляющего он попросил забрать посуду.

Как только тот ушёл, Цзян Шэнь вошёл следом и увидел мальчика, который лежал на маленькой кушетке и потирал живот.

— Так наелся?

Цзян Шэнь рассмеялся.

— Говорил же, что хочешь только мяса и ничего больше. А я смотрю, ты с удовольствием ел.

Семь-восемь блюд — всё, кроме нелюбимых овощей, было полностью съедено.

Когда управляющий убирал посуду, он смотрел на Цзян Шэня странным взглядом, будто боялся, что принц остался голодным.

— Я весь день был голодный. — сказал Ли Жуань. — И у меня в животе ещё детёныш, конечно мне нужно есть больше.

Ещё детёныш?

Цзян Шэнь слегка нахмурился.

После такого количества времени рядом с юношей он уже без труда мог отличить, когда тот говорит правду, а когда врёт.

Когда мальчик лгал, его выражение становилось виноватым и уклончивым, тело напряжённым — словно маленькое настороженное животное, поднявшее шерсть.

Но когда он говорил честно — был гораздо спокойнее.

И каждый раз, когда он говорил, что беременен, его тон был совершенно серьёзным — ни тени нервозности, ни намёка на ложь.

Но ведь мужчина не может забеременеть... верно?

Цзян Шэнь внезапно начал сомневаться в себе.

Похоже, когда они выберутся отсюда, придётся вызвать императорского врача, чтобы тот осмотрел этого маленького выдумщика.

Подумав об этом, Цзян Шэнь снова спросил:

— Ты же обещал, что вечером будешь со мной переписывать сутры. Не хочешь пойти?

Юноша снова лёг на бок, свернувшись в маленький клубочек. Услышав вопрос, он покачал головой — будто уже клевал носом:

— Хочу спать. Мне нужно растить малыша, я не должен уставать.

Цзян Шэнь: —...

Он без сил покачал головой, развернулся и вышел из тёплого павильона.

Ли Жуань вскоре провалился в сон. Неизвестно, сколько он спал, когда вдруг почувствовал странный запах.

Он открыл глаза — Цзян Шэнь ещё не вернулся, свечи в тёплом павильоне давно погасли.

В воздухе витал лёгкий, но резкий запах.

Обычный человек, вероятно, не почувствовал бы его, но у животных обоняние гораздо острее — от Ли Жуаня этот запах скрыть было невозможно.

Он поднялся и выглянул через дверь. Тёплый павильон находился справа от главного зала родового храма, соединённый задним коридором. Через дверь можно было видеть вход в главный зал.

Свечи там всё ещё горели, но Цзян Шэня у окна уже не было.

До того как уснуть, он переписывал сутры именно там.

Куда он ушёл?

Ли Жуань уже хотел было пойти искать его, как вдруг его уши дрогнули. Он услышал какой-то звук.

Нахмурившись, почувствовав неладное, он тихо прошептал заклинание, превратился в облачко зелёного дыма и бесшумно вылетел в окно.

Ночь была безлунной, беззвёздной.

Родовой храм погрузился в кромешную тьму, и что-то различить было трудно.

Кто-то крался за главный зал, держа в руках ведро чего-то тяжёлого.

Он уже собирался плеснуть содержимое на стену, когда из темноты раздался ясный молодой голос:

— Что это?

Незнакомец вздрогнул, роняя ведро.

Что-то густое, тёмное, липкое растеклось по земле.

Запах стал резко сильнее.

— Ты... кто ты? Почему здесь кто-то ещё?!

Этот запах был слишком резким даже для него самого — Ли Жуань поморщился, чуть отступил назад и зажал нос:

— А ты кто? Ночь на дворе — чего ты шляешься тут с этой вонючей гадостью?

Незнакомец не ответил. Вместо этого раздался резкий звук выхватываемого ножа.

Во тьме блеснул клинок.

По движению было видно — это обученный убийца, реакция молниеносная.

Длинный нож полоснул в сторону Ли Жуаня, но тот легко отпрыгнул, увернувшись.

Что бы ни умел этот человек — он всего лишь смертный.

Ли Жуань никогда не проигрывал драку среди оборотней. Если бы он действительно решил сражаться, этот человек не смог бы даже зацепить край его одежды.

Его разбудили среди ночи, да ещё этот мерзкий запах — неудивительно, что он разозлился.

— Почему ты кидаешься на меня? Я просто спросил, что это такое!

Похоже, незнакомец быстро понял, что ему не справиться, поэтому отбросил нож и достал что-то другое.

Это был факел.

Он ухмыльнулся:

— Сейчас я тебе покажу, что это.

Он резко подул на факел и легко бросил его. Искры описали дугу в воздухе, упали на землю и мгновенно подожгли тёмную жидкость, растёкшуюся по стене и полу.

Вспышка пламени мгновенно охватила всю стену.

Цзян Шэнь был неподалёку.

Планировка этого родового храма больше напоминала императорский сад — особенно за залом, где хранятся родовые таблички: под высокими стенами росли густые деревья, и спрятаться было легко.

Цзян Шэнь стоял под высокой стеной, заложив руки за спину.

Позади него кто-то быстро подошёл и, опустившись на одно колено, произнёс:

— Ваше Высочество.

— Поймали? — тихо спросил Цзян Шэнь.

— Да. Всего двадцать девять мёртвых солдат проникли в родовой храм. Все обезврежены.

Это был Юй Сю. Он поднял руку, подавая знак, и двое стражников вывели вперёд человека в чёрном:

— И вот этот человек...

С него сорвали чёрную ткань, закрывавшую лицо — и оказалось, что это главный жрец Министерства обрядов.

— Оказывается, это Господин Ли.

Цзян Шэнь слегка улыбнулся.

— Ваше превосходительство — гражданский чиновник, к тому же уже в возрасте, да и боевых искусств не знаете. Как же вы решились лично прийти убивать меня?

Старик, которому было за пятьдесят, выглядел смущённым. И голос его теперь был совсем не таким мягким, как раньше:

— Вы давно всё поняли?

— Что именно?

Цзян Шэнь улыбался, но в глазах его не было ни капли улыбки.

— Что вы собирались прислать людей убить меня, пока я один молюсь в родовом храме? Догадаться было нетрудно.

— Тогда почему... почему вы решили приехать поклониться предкам именно сейчас? Сразу после возвращения в столицу, едва избежав смерти? — старик был ошеломлён.

— Почему?

Цзян Шэнь холодно усмехнулся.

— Вы не сумели перехватить и убить меня за пределами столицы. После моего возвращения я давил на вас шаг за шагом, не оставляя вам ни единой передышки. Вам нужно было выпустить пар, отыграться на мне. Так что я предоставил вам такую возможность.

Даже события в столице до этого были лишь подготовкой к сегодняшней ночи.

В течение месяца Цзян Шэнь намеренно давил на фракцию Третьего принца: несколько десятков чиновников, которые формально его поддерживали, были заключены в тюрьму или казнены.

Но это были лишь те, кто стоял на поверхности.

В глубине придворных интриг по-прежнему скрывались десятки сторонников.

Цель ночи в родовом храме была в том, чтобы заставить этих людей показаться.

Выжечь сорняки — значит вырвать их с корнем.

Это всегда был метод Цзян Шэня.

— Но я и представить не мог, что это действительно вы.

Цзян Шэнь подошёл ближе к Господину Ли и чуть наклонился, глядя тому в глаза.

— Даже вы поддерживаете третьего?

Этой ночью принца сопровождало немало придворных.

Цзян Шэнь заранее примерно представлял, кто может всплыть.

Но он никогда бы не подумал, что среди них окажется именно Господин Ли.

Старик Ли служил в Министерстве обрядов ещё при прошлом императоре.

Он десятилетиями руководил государственными ритуалами, был старейшиной двора и никогда не участвовал в интригах между наследниками трона.

До сегодняшнего дня Цзян Шэнь никак не мог заподозрить его.

Пока во время церемонии он внезапно не настоял, чтобы принц немедленно вошёл в родовой зал.

— Господин Ли всегда так почтителен к этикету, а Третий — наоборот, по природе своенравен и к правилам относится пренебрежительно.

Цзян Шэнь спросил:

— Почему вы поддерживаете его?

Господин Ли сказал:

— Его Высочество Третий обладает исключительными талантами и выдающимися литературными способностями.

— Да, у третьего действительно есть способности. — кивнул Цзян Шэнь.

И продолжил:

— Но он не различает, где добро, а где зло, и идёт к цели любыми средствами. Два года назад он покрывал одного повесу, который похитил девушку на улице. После этого девушку вынудили... — Цзян Шэнь сжал губы. — А он использовал свой статус принца, чтобы скрыть это преступление. Лишь потому, что тот повеса — сын богатого торговца, который мог бы быть ему полезен. Такой человек... Вы правда считаете, что он может стать хорошим императором?

— Или... — Цзян Шэнь прищурился и тихо произнёс:

— Третий — это лишь прикрытие. За вами стоит кто-то ещё.

Господин Ли опустил глаза и не ответил.

Цзян Шэнь хотел было продолжить расспросы, но вдруг услышал крик:

— Ваше Высочество! У родового храма...

Он резко поднял голову — и увидел, как в ночной тьме вспыхнуло пламя.

Огонь разгорелся невероятно быстро. Полыхнуть начало с задней части храма, и буквально мгновение спустя языки пламени взвились к небу.

— Тушите пожар! — коротко приказал Цзян Шэнь и уже собирался бежать, но увидел, что старик, стоящий перед ним на коленях, улыбается.

— Ваше Высочество ошиблись. Я послал всего двадцать девять мёртвых солдат. Эти двадцать девять — лишь дорога для последнего.

Цзян Шэнь не стал слушать. Его лицо помрачнело, и он стремглав рванул к главному залу.

Как только вспыхнули первые языки огня, он понял замысел.

С самого начала Господин Ли вовсе не собирался его убивать.

Он послал тридцать мёртвых солдат и даже использовал себя самого как приманку.

Его настоящей целью было — сжечь родовой храм.

В родовом храме хранятся родовые таблички с именами предков императорской семьи.

Сегодня ночью Цзян Шэнь соблюдал пост и молился в храме — и если храм окажется уничтожен огнём, не важно, истинная это причина или подстроенная.

Ответственность в любом случае падёт на него.

А если хоть одна родовая табличка будет повреждена — он станет преступником перед всем родом императора.

В таком случае гнев святейшего государя был бы ещё самым лёгким наказанием.

В Сынов Неба верили и придворные, и простые люди: если случится подобная беда, народ неминуемо поднимет крик, заявив, что наследный принц не может унаследовать престол, раз предки не защитили его.

Учёные-конфуцианцы особенно умели раздувать подобные вещи.

И это был именно тот приём, который мог придумать главный жрец дворцового храма.

Почему он выбрал именно сегодняшнюю ночь, даже рискуя вызвать подозрения Цзян Шэня?

Потому что сегодня — единственная ночь без звёзд и без луны, с самым сильным горным ветром.

Идеальные условия для поджога.

Но на самом деле этот трюк едва ли мог серьёзно навредить Цзян Шэню.

Он не был человеком, который цепляется за ритуалы, и его невозможно сломить парой слухов.

Даже если храм будет дотла сожжён, его максимум накажут за халатность — и он примет это.

Что до зашоренных старейшин — его совершенно не заботило их мнение.

Однако...

Ли Жуань всё ещё был внутри храма.

Он давно догадался, что нападение произойдёт именно ночью.

Изначально он не хотел втягивать Ли Жуаня в опасность, поэтому специально покинул храм пораньше.

Цзян Шэнь демонстративно ушёл, чтобы все видели, что внутри никого нет — так Ли Жуань не должен был пострадать в суматохе.

Но он не ожидал, что кто-то осмелится ради подрыва его позиции на троне поджечь сам родовой храм.

Цзян Шэнь мчался к залу, когда на его лицо вдруг упало что-то холодное.

Он замедлил шаг, коснулся рукой лица.

Дождь?

Он поднял голову — и из тяжёлого неба всё сильнее сыпались капли.

Сначала мелкие, затем стремительно переходящие в ливень, мгновенно промоливший его одежду.

Дождь накрыл весь родовой храм, и стал постепенно гасить бушующее пламя.

Все стражники, которые бежали тушить пожар, застыли на месте.

Не зная, откуда взялся этот дождь, они опустились на колени и почти одновременно закричали:

— Небеса ниспослали благословение! Ваше Высочество — под защитой Неба!

— Благословение Неба! Его Высочество — под покровительством Богов!

— Благословение Неба! Его Высочество — под покровительством Богов!

Крики стражников почти заглушили шум дождя, но Цзян Шэнь не обратил на них внимания.

Не останавливаясь, он быстрым шагом направился к родовому храму.

Он вошёл не в главный зал, а сразу в тёплый павильон.

Пламя за храмом было полностью потушено проливным дождём, и за какие-то десять шагов Цзян Шэнь промок до нитки.

Он вошёл в павильон и подошёл к маленькой кушетке. Юноша лежал на ней, устало потирая глаза.

— Ты вернулся... — голос был очень тихим, будто без сил.

— Ты... — Цзян Шэнь нахмурился. Он почему-то не почувствовал облегчения, увидев его,

наоборот — почувствовал неладное. — Ты всё это время спал?

Юноша не ответил.

Он выглядел сонным, будто стал ещё утомлённее, чем был перед сном.

Цзян Шэнь хотел подойти ближе, но вспомнил, что он весь мокрый, и не решился прикоснуться.

Но юноша вдруг поднялся и сам бросился ему в объятия.

— Я весь мокрый, не...

— Обними меня, — мягко перебил юноша. — Просто обними. Я так устал...

Этот дождь был создан Ли Жуанем.

Человек только что поджёг храм прямо перед ним, и чтобы потушить пожар, Ли Жуань был вынужден ещё раз применить заклинание изменения погоды.

Оно отнимало огромные силы. Израсходовав последние, Ли Жуань еле добрался до тёплого павильона и теперь был так истощён, что едва держал глаза открытыми.

Не обращая внимания на то, что одежда Цзян Шэня всё ещё капала, Ли Жуань уткнулся лицом в его шею, сдерживая инстинкты, и едва заметно вытянул две порции эссенции — настолько осторожно, насколько мог.

Он вовсе не хотел делать это тайком.

Даже на горе Чанмин он всегда спрашивал разрешения перед тем, как поглощать эссенцию Цзян Шэня.

Но сейчас... он чувствовал, что если не возьмёт ещё немного, то вот-вот потеряет контроль и покажет хвост.

— Я помог тебе... пожалуйста, не сердись на меня... — Ли Жуань расслабился, сознание начинало мутнеть. — Дай я ещё немного тебя обниму...

— Помог? — переспросил Цзян Шэнь. — Что значит помог, ты...

Не успел он договорить, как юноша уронил голову ему на грудь и мгновенно уснул.

— Ваше Высочество, императорский врач прибыл, — тихо доложил снаружи Юй Сю.

Цзян Шэнь уже переоделся в сухое и переодел Ли Жуаня.

Он сидел на кушетке, держа худого юношу на руках — тот лежал, крепко сжимая его рукав даже во сне.

Когда врач Фэн вошёл, он увидел именно эту картину.

Он застыл, а потом уронил свою лекарственную коробку с громким стуком и тут же рухнул на колени:

— Д-д-д... Ваше Высочество!

Цзян Шэнь нахмурился.

Шум разбудил юношу: тот недовольно пошевелился и ещё глубже уткнулся лицом в его грудь.

— Потихе. Ты его почти разбудил, — тихо сказал Цзян Шэнь.

Врач Фэн поднял на него глаза — как будто увидел призрака.

Этот старый врач, с седыми волосами и бородой, служил в Императорском госпитале много десятилетий.

Ещё при жизни императрицы он был её человеком, а теперь — человеком Цзян Шэня.

На церемонию поклонения предкам Цзян Шэнь специально велел ему сопровождать себя.

Он был надёжным человеком.

— Ваше Высочество... это же родовой храм, священный зал... — Врач Фэн немного пришёл в себя, подошёл ближе, понизив голос. — Как вы могли привести кого-то сюда? Если кто-то увидит...

— Именно поэтому, — перебил его Цзян Шэнь, — я надеюсь, что Императорский Врач Фэн сохранит это в тайне.

Императорский врач Фэн вздохнул и поставил аптечный ящик на пол:

— Меня среди ночи разбудил командир Юй. Сказал, что родовой храм горит, что с Вашим Высочеством что-то случилось... Значит, всё было из-за этого юноши. Что с ним?

Цзян Шэнь сказал:

— Не знаю почему, но он всё время засыпает.

Благодаря своевременному дождю пожар в родовом храме возник и погас быстро.

Пострадали только стены и несколько черепиц на задней части здания — огонь не успел проникнуть в зал.

До рассвета было ещё далеко. Цзян Шэнь не спешил объявлять о случившемся, а сначала велел Юй Сю позвать врача — потому что с мальчиком явно было что-то не так.

Когда он вернулся в тёплый павильон, там ещё не успели зажечь свечи, и он сразу не заметил, насколько побледнело лицо юноши.

Позже, когда понял, тот уже лежал у него на руках без сил, и разбудить его было невозможно.

Врач Фэн взял пульс Ли Жуаня.

Через некоторое время он отпустил его запястье и сказал:

— Судя по пульсу, он просто переутомился. Поэтому и впал в такой глубокий сон. Пусть отдохнёт, поест, когда проснётся. Лекарств не нужно — лучше подкормить его хорошей пищей.

Цзян Шэнь:

— Ты хочешь сказать... он просто спит?

Императорский врач:

— Да, просто уснул.

Цзян Шэнь нахмурился и снова спросил:

— Переутомился? С чего бы ему быть уставшим? Этот малыш кроме еды почти целый день только спит — с чего ему переутомляться?

Врач Фэн посмотрел на него странным, нерешительным взглядом.

Цзян Шэнь замер, а потом резко понял. Его уши вспыхнули:

— Я... я его не трогал!

Врач Фэн снова посмотрел на него с выражением: «Вы серьёзно думаете, что я в это поверю?»

— Ты... — Цзян Шэнь вспомнил, что привёл чужого человека в родовой храм, и понял, что объяснять тут бессмысленно. Поэтому просто спросил: — У него точно нет других проблем со здоровьем?

Врач Фэн ответил:

— Молодой господин совершенно здоров. Я не понимаю, что именно хочет узнать Его Высочество?

Цзян Шэнь немного замялся. Его взгляд невольно опустился на живот юноши.

— Он... он точно не беременный?

Императорский врач: — ...

Цзян Шэнь: — ...?

Взгляд врача Фэна на Цзян Шэня внезапно стал тревожным:

— Нужна ли Его Высочеству проверка пульса?

— Я спрашиваю тебя о деле, — нахмурился Цзян Шэнь. — Зачем тебе мой пульс?

Императорский врач:

— Его Высочество был ранее ранен и получил потерю памяти. А кроме этого... нет ли у Вас

ещё каких-то странных ощущений?

Теперь Цзян Шэнь понял.

— Я не сошёл с ума, — сквозь зубы сказал он. — Я знаю, что мужчины не могут беременеть. Просто он всё время говорит, что... беременен. От меня.

Врач Фэн опешил.

Он снова проверил пульс Ли Жуаня, приподнял ему веки.

После внимательного осмотра покачал головой:

— У молодого господина нет ни травм, ни болезней. Поэтому... возможно, его разум потрясла некая сильная эмоциональная травма.

Цзян Шэнь:

— Травма?

— Да, — предположил врач Фэн. — Возможно, какое-то серьёзное потрясение нарушило его психическое равновесие. И он придумал подобное, чтобы справиться с этим.

Так долго не спав, Ли Жуань шевельнулся, схватил рукав Цзян Шэня и пробормотал сквозь сон:

— Цзян Шэнь... обними меня...

Врач Фэн:

— Видите, Ваше Высочество. Этот юноша подсознательно боится, что Вы его оставите. Поэтому он фантазирует о ребёнке — думает, что тогда Вы останетесь с ним навсегда. Ах... бедное дитя...

Цзян Шэнь опустил взгляд на мальчика в своих руках.

Юноша спал очень мило: то снова прижимался к нему, то что-то бормотал.

На него было невозможно смотреть и представить, что уход Цзян Шэня оказался для него настолько тяжёлым ударом.

Глаза Цзян Шэня потемнели.

Сердце болезненно сжалось.

Это всё его вина.

Автор говорит:

Цзян Шэнь: — Понял... Я действительно мерзавец.

Маленький лисёнок: ?

Как уже упоминалось ранее, ребенок сейчас всего лишь сгусток духовной энергии, поэтому его невозможно обнаружить при диагностике.

Когда он поглотит больше эссенции и обретёт форму — тогда его папочку ждёт большой сюрприз.

<http://bllate.org/book/14444/1277244>